

СТАРАЯ
ДОБРАЯ...
Америка

КЕЙТ ШОПЕН

ПРОБУЖДЕНИЕ

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
Ш79

Kate Chopin
THE AWAKENING

Перевод с английского Анастасии Рудаковой
Серийное оформление Екатерины Скворцовой
Оформление обложки и иллюстрация на обложке Екатерины Скворцовой

Шопен К.

Ш79 Пробуждение : роман, рассказы / Кейт Шопен ; пер. с англ. А. Рудаковой. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2025. — 480 с. — (Старая добрая...).

ISBN 978-5-389-26620-9

Штат Луизиана, конец XIX века. Супруги Эдна и Леонс Понтелье с двумя маленькими детьми отдыхают в пансионате на берегу Мексиканского залива. Эдна — красавица и умница, Леонс — успешный бизнесмен. Но в отношениях этой, казалось бы, идеальной пары возникает трещина. День за днем Эдна находит все больше удовольствия в общении с Робером, старшим сыном владелицы курорта. Обаятельный и услужливый Робер разительно отличается от немногословного мужа-сухаря, и внезапно Эдна понимает, что без памяти влюблена. Молодая женщина словно пробуждается от сна рутинной семейной жизни, полностью отдавшись во власть новых чувств. Сладкие мечты, безумные надежды... Эдна торопит события, стремится навстречу своему счастью. Счастливое будущее манит, кажется таким близким...

Кроме романа «Пробуждение», в сборник вошли великолепные рассказы Кейт Шопен — яркие, интригующие истории из жизни страстных американских креолов.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-26620-9

© А. А. Рудакова, перевод, 2025
© Е. С. Скворцова, иллюстрация
на обложке, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2025
Издательство Иностранка®

ПРОБУЖДЕНИЕ

Роман

I

Желто-зеленый попугай в висевшей за дверью клетке неумолчно талдычил:

— *Allez vous-en! Allez vous-en! Sapristi!*¹ Всё в порядке!

Он немного говорил по-испански, а также на языке, которого никто не понимал, разве что пересмешник, который сидел в клетке по другую сторону двери и с одурающим упорством выводил на ветерке свои переливчатые трели.

Лишенный возможности читать газету в мало-мальском комфорте, мистер Понтелье с недовольным видом поднялся, досадливо крякнув.

Мужчина прошел по галерее и узким «мостикам», соединявшим лебреновские коттеджи друг с другом. До этого он сидел перед дверью главного дома. Попугай и пересмешник принадлежали мадам Лебрен и имели право гомонить сколько угодно. Мистер же Понтелье

¹ Прочь! Прочь! Боже правый! (фр.)

обладал привилегией покидать их общество, как только они переставали его занимать.

Он остановился перед дверью своего коттеджа — четвертого, предпоследнего, считая от главного здания. И, опустившись в плетеное кресло-качалку, снова принялся за чтение газеты. День был воскресный, газета вчерашняя. Воскресные газеты до Гранд-Айла¹ еще не добрались. Мистер Понтелье уже ознакомился с обзорами рынков и сейчас старательно просматривал переделки и новости, которые не успел проштудировать накануне, перед отъездом из Нового Орлеана.

Мистер Понтелье носил очки. Это был мужчина лет сорока, среднего роста, довольно щуплого телосложения и слегка сутулый. У него были прямые, уложенные на косой пробор каштановые волосы и аккуратно подстриженная борода.

Время от времени он отрывал взгляд от газеты и озирался по сторонам. Главное строение, чтобы отличать его от коттеджей, называли Домом. Сейчас в нем было шумнее, чем обычно. Там по-прежнему щебетали и свистели птицы в клетках. Две юные особы, двойняшки Фариваль, исполняли на фортепиано дуэт из «Цампы»². Мадам Лебрен суетливо сновала с улицы в Дом и обратно, громко отдавая распоряжения дворовому мальчику всякий раз,

¹ Небольшой прибрежный (так называемый барьерный) остров в Мексиканском заливе, относящийся к штату Луизиана. Здесь автор романа, Кейт Шопен, в течение ряда лет проводила летние месяцы.

² «Цампа, или Мраморная невеста» (1831) — опера французского композитора Ф. Герольда.

когда заходила внутрь, и столь же громко снабжая указаниями столовую прислугу, когда выходила.

Это была моложавая, привлекательная женщина, всегда одетая в белое платье с рукавами до локтей и при ходьбе шуршавшая накрахмаленными юбками. Дальше, перед одним из коттеджей, чинно прогуливалась, перебирая четки, дама в черном. Немалая часть обитателей пансиона отправилась на люгере «Бодле» на соседний остров Шеньер-Каминада, чтобы послушать мессу. Несколько молодых людей играли под черными дубами в крокет. Там же находились и двое сыновей мистера Понтелье — крепкие мальчуганы четырех и пяти лет. За ними с рассеянным, задумчивым видом следила няня-квартиронка.

Наконец мистер Понтелье зажег сигару и, выпустив из рук газету, закурил. Он устремил взгляд на белый зонтик, медленно приближавшийся со стороны пляжа. Тот отчетливо вырисовывался между иссохшими стволами черных дубов над лужком, поросшим желтой пупавкой. Залив, истаявавший в синеве горизонта, казался очень далеким. Зонтик продолжал неторопливо приближаться. Под его белоснежным, с розовой подкладкой куполом укрывались от солнца жена мистера Понтелье и молодой Робер Лебрэн. Добравшись до коттеджа, эти двое с утомленным видом уселись на верхнюю ступеньку крыльца лицом друг к другу, прислонившись к стойкам перил.

— Что за сумасбродство! Купаться в такой час, в такую жару! — воскликнул мистер Понтелье. Сам он искупался на рассвете. Вот почему утро показалось ему

таким долгим. — Ты обгорела до неузнаваемости, — добавил он, оглядывая жену, словно принадлежащую ему ценную личную вещь, претерпевшую некоторый ущерб.

Миссис Понтелье подняла руки — сильные и красивые — и критически осмотрела их, закатав батистовые рукава. При этом она вспомнила о своих кольцах, которые отдала супругу перед уходом на пляж. Женщина молча протянула руку, и муж, сразу сообразив, что ей нужно, достал кольца из жилетного кармашка и положил на ее раскрытую ладонь. Миссис Понтелье нанизала украшения на пальцы, затем обняла свои колени и, покосившись на Робера, засмеялась. Кольца на ее пальцах заискрились. Робер адресовал ей ответную улыбку.

— Что такое? — с ленивым любопытством поинтересовался Понтелье, переводя взгляд с одного на другую.

Там, в воде, случилось нечто забавное, совершенный пустяк, и оба попытались наперебой поведать об этом. Но в их изложении происшествие оказалось и вполонину не столь занимательным. Молодые люди это почувствовали, и мистер Понтелье тоже. Он зевнул и потянулся. После чего встал, объявив, что не прочь отправиться в отель Клайна, чтобы сыграть партию в бильярд.

— Идемте вместе, Лебрен, — предложил он Роберу.

Но тот откровенно признался, что предпочитает остаться и поболтать с миссис Понтелье.

— Что ж, когда он тебе надоест, пошли его подальше, Эдна, — проинструктировал ее муж, собираясь уходить.

— Вот, возьми. — Молодая женщина протянула ему зонтик.

Мистер Понтелье взял его, поднял над головой и, спустившись по лестнице, зашагал прочь.

— Вернешься к ужину?! — крикнула жена ему вдогонку.

Мистер Понтелье на минуту остановился и пожал плечами. Порылся в жилетном кармашке, нащупал десятидолларовую купюру. Он не знал, вернется к ужину или нет. Все будет зависеть от компании, которая соберется у Клайна, и от того, как пойдет игра. Мужчина не сказал этого вслух, но жена его поняла и, рассмеявшись, кивнула ему на прощание.

Оба сынишки, увидев, что отец уходит, бросились за ним. Мистер Понтелье поцеловал их и пообещал принести конфет и арахиса.

II

У миссис Понтелье были живые, блестящие глаза золотисто-карего оттенка, примерно такого же, как ее волосы. Она имела обыкновение внезапно обращать взгляд на какой-нибудь предмет и замирать, точно теряясь в некоем потаенном лабиринте созерцания или раздумья. Брови ее были немного темнее волос. Густые, почти горизонтальные, они подчеркивали глубину взгляда. Миссис Понтелье была скорее привлекательна, чем красива. Лицо ее пленяло определенной непосредственностью выражения и неуловимо тонкой игрой черт. Манеры ее были очаровательны.

Робер свернул папиросу. Он говорил, что курит папиросы, потому что не может позволить себе сигары. В кармане у него лежала сигара, подаренная мистером Понтелье, и Робер берег ее, чтобы насладиться ею после обеда. Казалось, что с его стороны это вполне уместно и естественно. Цветом кожи Робер Лебрэн не отличался от своей спутницы. Его чисто выбритые подбородок и щеки делали это сходство еще более заметным. На открытом лице молодого человека не виднелось и тени озабоченности. Его глаза вбирали и отражали лишь свет и блаженную истому летнего дня.

Миссис Понтелье взяла лежавший на крыльце веер из пальмовых листьев и стала обмахиваться. Робер выпускал изо рта легкие облачка дыма. Оба без умолку болтали обо всем подряд: о забавном эпизоде, происшедшем в воде (он вновь обрел прежнюю занимательность); о ветре, деревьях, уехавших на Шеньер соседях; о детях, игравших под дубами в крокет; о двойняшках Фариваль, которые в этот момент исполняли увертюру к «Поэту и крестьянину»¹.

Робер много говорил о себе. Он был очень молод и мало о чем имел понятие. Миссис Понтелье по той же самой причине говорила о себе мало. Оба с интересом внимали друг другу. Молодой человек рассказывал о своем намерении осенью отправиться в Мексику, где его наверняка будет ждать удача. Он всегда стремился

¹ Оперетта австрийского композитора Ф. фон Зуппе (1819–1895), увертюра к которой была очень популярной.

в Мексику, но до сих пор не бывал там. А пока занимал скромную должность в одном из торговых домов Нового Орлеана, где отличное знание трех языков — английского, французского и испанского — придавало ему немалую ценность как клерку и сотруднику, ведающему корреспонденцией.

Летний отпуск Робер, как обычно, проводил с матерью на Гранд-Айле. В прежние времена, которых он не помнил, дом являлся летней загородной резиденцией Лебренов. Теперь, обстроенный дюжиной коттеджей, которые всегда занимали изысканные постояльцы из *Quartier Français*¹, Дом позволял мадам Лебрен поддерживать беззаботное и комфортное существование, на которое она, по всей видимости, имела право по рождению.

Миссис Понтелье поведала об отцовской плантации на Миссисипи и доме в старинном «мятликовом штате» Кентукки, где провела детство. Она была американкой с небольшой примесью французской крови, кажется никак не проявившейся. Потом молодая женщина прочла письмо от своей сестры, которая жила на востоке страны и была обручена. Робер заинтересовался. Он желал знать, какие отношения у сестер, что представляет собой отец миссис Понтелье и давно ли умерла ее мать.

Когда женщина сложила письмо, настало время переодеваться к раннему ужину.

— А Леонс все не возвращается, — произнесла она, бросив взгляд в том направлении, куда ушел муж.

¹ Французский квартал, историческое ядро Нового Орлеана.

Робер предположил, что он и не вернется, поскольку у Клайна полно завсегдатаев новоорлеанских клубов.

Когда миссис Понтелье, покинув молодого человека, ушла к себе, тот спустился с крыльца и направился к играющим в крокет, где оставшиеся до ужина полчаса беспечно резвился с мальчиками Понтелье, которые его просто обожали.

III

Мистер Понтелье вернулся от Клайна только в одиннадцать часов вечера. Он был в отличном настроении, бодр и весьма разговорчив. Его появление разбудило жену, которая, когда он пришел, уже лежала в постели и крепко спала. Раздеваясь, мистер Понтелье стал болтать с нею, пересказывая услышанные за день анекдоты, новости и сплетни. Он вытащил из брюк ворох мятых банкнот и целую пригоршню серебряных монет, которые вместе с ключами, ножом, носовым платком и прочим содержимым карманов, не разбирая, вывалил на бюро. Женщину одолевал сон, и она отвечала мужу односложно. Тому казалось весьма досадным, что супруга — единственный смысл его существования — проявляет столь мало интереса к касающимся его вещам и так мало ценит общение с ним.

Конфеты и арахис для мальчиков мистер Понтелье принести забыл. Все же он очень любил сыновей и пошел в соседнюю комнату, где те спали, чтобы взглянуть на них и убедиться, что они отдыхают с комфортом. Его проверка дала отнюдь не удовлетворительный результат.

Он принялся заново устраивать детей в кроватях. Один из мальчиков начал брыкаться и бормотать что-то про корзину с крабами.

Мистер Понтелье вернулся к жене с известием о том, что Рауля лихорадит и ему нужен уход. Затем он зажег сигару, подошел к открытой двери и сел возле нее.

Миссис Понтелье была совершенно уверена, что никакой лихорадки у Рауля нет. Она сказала, что сын отправился в постель совершенно здоровым и его весь день ничто не беспокоило. Однако мистер Понтелье слишком хорошо знал симптомы лихорадки и не мог ошибиться. Он заверил жену, что у ребенка, спящего в соседней комнате, сильный жар. И упрекнул женщину в безразличии, в привычном пренебрежении сыновьями. Если не мать должна ухаживать за детьми, то кто же, черт побери?! У него самого в конторе дел по горло. Он не может быть в двух местах одновременно — добывать средства к существованию семьи на работе и следить, чтобы с ними ничего не приключилось дома. Мужчина говорил нудным, менторским тоном.

Миссис Понтелье поднялась с постели и скрылась в соседней комнате. Вскоре женщина вернулась, села на край кровати и опустила голову на подушку. Она не произнесла ни слова и отказалась отвечать мужу, когда тот стал задавать вопросы. Докурив сигару, он лег и через полминуты погрузился в сон.

Миссис Понтелье к тому времени окончательно проснулась. Она немного всплакнула, после чего вытерла глаза рукавом пеньюара. Затем задудла свечу, оставленную

мужем, сунула босые ноги в атласные *mules*¹, стоявшие у изножья кровати, и вышла на веранду, где опустилась в плетеное кресло-качалку и стала тихонько раскачиваться.

Было уже за полночь. Окна всех коттеджей были темными. Единственный слабый огонек мерцал в прихожей Дома. Вокруг не раздавалось ни единого звука, кроме уханья старой совы на верхушке черного дуба да извечного голоса моря, который в этот тихий час не был громок и разносился в ночи как заунывная колыбельная.

Слезы так быстро наворачивались на глаза миссис Понтелье, что промокший рукав ее пеньюара с ними уже не справлялся. Одной рукой она ухватила за спинку кресла, при этом просторный рукав соскользнул к плечу, обнажив поднятую руку. Женщина уткнулась плавающим мокрым лицом в сгиб локтя и продолжала плакать, больше не пытаясь вытирать лицо, глаза, руки. Она не смогла бы сказать, отчего плакала. Эпизоды, подобные тому, что произошел в спальне, были обычны для ее замужней жизни. Прежде они как будто не имели большого значения в сравнении с безграничной добротой мужа и его неизменной преданностью, которая сделалась чем-то само собой разумеющимся и обязательным.

Не поддающаяся описанию подавленность, возникшая, кажется, в некоем неведомом уголке сознания, наполнила все существо неясной тоской. Словно туман опустился на летний день души. Оно было странным и непривычным, это настроение. Эдна не стала мысленно упрекать мужа,

¹ Шлепанцы (фр.).

сетуя на судьбу, которая направила ее по тому пути, которым оба они пошли. Она просто хорошенько выплакалась. А над нею пировали москиты, кусая ее упругие, округлые предплечья, впиваясь в обнаженные ступни. Назойливо звенящим маленьким кровососам удалось взять верх над настроением, которое могло бы продержать миссис Понтелье на темной веранде еще полночи.

На следующее утро мистер Понтелье встал рано, ожидая прибытия экипажа, который должен был доставить его на пристань, к пароходу. Он возвращался в город, в свою контору, и до субботы не должен был показаться на острове. Мужчина вновь обрел самообладание, как будто несколько пошатнувшееся минувшей ночью. Ему не терпелось уехать, ибо он предвкушал оживленную неделю на Каронделет-стрит¹.

Мистер Понтелье отдал жене половину денег, которые принес из отеля Клайна накануне вечером. Она, как большинство женщин, любила деньги и приняла их с немалым удовлетворением.

— На них можно купить красивый свадебный подарок сестрице Дженет! — воскликнула миссис Понтелье, разглаживая и пересчитывая купюры.

— О! Сестрица Дженет заслуживает большего, дорогая, — рассмеялся мистер Понтелье, собираясь поцеловать жену на прощание.

Рядом вертелись мальчики, хватая отца за ноги и упрашивая привезти им в следующий раз всякой всячины.

¹ Одна из главных улиц финансового центра Нового Орлеана.

Мистер Понтелье был всеобщим любимцем, и попроситься с ним обязательно являлись и дамы, и джентльмены, и дети, и даже няньки. Пока старый экипаж увозил его прочь по песчаной дороге, жена стояла, улыбаясь и махая рукой, а сыновья кричали ему вслед.

Несколько дней спустя из Нового Орлеана для миссис Понтелье прибыла посылка от мужа. Она была битком набита *friandises* — роскошными и аппетитными лакомствами. Там были отборные фрукты, паштеты, пара редких бутылок вина, восхитительные сиропы и гора конфет.

Миссис Понтелье всегда щедро делилась содержимым подобных посылок, которые привыкла получать. Паштеты и фрукты уносили в столовую, конфеты раздавали всем подряд. И дамы, привередливо и с некоторой алчностью выбирая угощение изящными пальчиками, дружно заявляли, что мистер Понтелье — лучший в мире супруг. Миссис Понтелье приходилось признавать, что ей повезло, как никому другому.

IV

Мистеру Понтелье при всем желании было трудно убедительно определить, в чем его жена не выполняет свой долг по отношению к детям. Он скорее ощущал это, чем знал, и, проговариваясь о своем ощущении, впоследствии всегда раскаивался и полностью искупал вину.

Если один из маленьких Понтелье во время игры спотыкался и падал, то не бросался, рыдая, за утешением в объятия матери, а чаще всего поднимался, вытирал

слезы со щек и песок с губ и возвращался к игре. Оба бутуза держались вместе и, не жалея кулаков и глоток, дружно отстаивали свои позиции в детских драках, как правило одерживая верх над всякими там маменькиными сынками. Няню-квартирерку они считали огромной обузой, годной лишь для того, чтобы застегивать им штанишки да расчесывать на пробор волосы, ибо аккуратная прическа с прямым пробором являлась, по-видимому, непреложным общественным установлением.

Словом, миссис Понтелье не была женщиной-матерью в ее классическом понимании. А тем летом на Гранд-Айле преобладали, кажется, именно таковые. Они были легко узнаваемы: как только их драгоценным отпрыскам грозила какая-нибудь беда, реальная или мнимая, матери тотчас принимались кудахтать, раскрывая свои ограждающие объятия. Эти женщины боготворили детей, поклонялись мужьям и почитали своим священным правом отказаться от собственной личности и отрастить себе крылья ангела-хранителя.

Многие вышеописанные дамы были восхитительны в этой роли, а одна из них являлась подлинным воплощением женской прелести и обаяния. Если бы муж ее не обожал, он был бы просто грубияном, достойным медленной мучительной смерти. Звали это создание Адель Ратиньоль. Чтобы описать эту женщину, не найдется иных слов, кроме избитых фраз, слишком часто служивших для изображения героинь старинных романов и прекрасных дам из наших грез.

В очаровании Адели не было ничего неуловимого или потаенного. Красота ее, яркая и очевидная, сразу бросалась в глаза: золотистые волосы, с которыми не могли справиться ни гребень, ни заколка; бесподобные голубые глаза, которые можно было сравнить только с сапфирами; пухлые губки, такие алые, что при взгляде на них в голову приходили лишь вишни или какие-нибудь другие яркие спелые плоды. С годами Адель Ратиньоль слегка располнела, но это, казалось, ни на йоту не умаляло грациозности каждого ее шага, позы, жеста. Никто не пожелал бы, чтобы ее белая шейка была хоть чуточку стройнее, а прекрасные руки — тоньше. Не нашлось бы рук изящнее, чем у нее. Как приятно было любоваться ими, когда мадам Ратиньоль вдевала нитку в иглоку, поправляла на тонком среднем пальце золотой наперсток, делала стежки на детском ночном костюмчике, кроила лиф или слюнявчик.

Мадам Ратиньоль очень любила миссис Понтелье. Нередко она брала свое шитье и приходила посидеть с нею после обеда. Адель была у приятельницы и в тот день, когда из Нового Орлеана доставили посылку. Она расположилась в кресле-качалке и усердно корпела над миниатюрным ночным костюмчиком.

Гостья принесла миссис Понтелье его выкройку — чудо портновской мысли, целиком скрывавшее детское тельце, так что наружу выглядывали только глаза, что придавало малышу сходство с маленьким эскимосом. Этот предмет одежды предназначался для зимней поры, когда через дымоходы в дом проникали предательские

сквозняки, а через замочные скважины — коварные струи беспощадного холода.

Относительно теперешних материальных потребностей своих сыновей миссис Понтелье была совершенно спокойна, в том же, чтобы делать предметом своих летних размышлений заботы о зимних ночных одеяниях, смысла она не видела. Однако, не желая показаться нелюбезной и безразличной, принесла газеты, которые расстелила на полу галереи, и под руководством мадам Ратиньоль сняла выкройку наглухо закрытого костюмчика.

На крыльце, как и в прошлое воскресенье, сидел Робер, и миссис Понтелье тоже заняла свое прежнее место на верхней ступеньке, лениво прислонившись к стойке перил. Рядом с нею стояла коробка конфет, которую она время от времени протягивала мадам Ратиньоль.

Эта дама, казалось, испытывала затруднения с выбором, но в конце концов решила взять палочку нуги, попутно рассуждая, не слишком ли приторно это лакомство и не повредит ли оно ей. Мадам Ратиньоль была замужем семь лет и примерно каждые два года производила на свет очередного младенца. В то время у нее было трое детей, и она задумалась о четвертом. Адель вечно твердила о своем «положении». «Положение» отнюдь не было очевидным, и никто бы о нем не догадался, если бы не ее одержимость этой темой.

Робер начал разуверять мадам Ратиньоль, утверждая, что знавал даму, которая питалась нугой всю бер... Но, увидев, что миссис Понтелье залилась краской, осекся и сменил тему.

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

КЕЙТ ШОПЕН
ПРОБУЖДЕНИЕ

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Александр Александров
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Пётр Щёголев
Корректоры Антонина Филимонова, Людмила Виноградова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 21.11.2024.
Формат издания 76 × 108 ¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 22,8. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА*.	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — ИНОСТРАНКА* тауар белгісінің иесі.
115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25	115093, Мәскеу, қ. ш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12-14, лит. А	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12-14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басылп шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

R-6LD-35612-01-R